

Напряжение витало в воздухе из-за войны на границе. Любая война жестока, всегда случаются непредвиденные события, которых не избежать. Если князь-страж Севера хоть в чём-то ошибётся, Цзююань первым подвергнется нападению и падёт. Правда, такое случалось редко — за последние шесть лет почти никогда, — но люди невольно настораживались. Тишина же была от осознания собственного бессилия: они не могли помочь, не могли выйти на поле боя и сражаться. Оставалось хотя бы не мешать.

Горожане жили обычной жизнью: работали, ели, спали. Но на улицах поубавилось бездельников, исчезли хулиганы, даже мелкое воровство почти прекратилось. Перед лицом войны жители Цзююана проявляли стойкость и силу.

Гу Тин, наблюдая за городом, который стал чище и спокойнее обычного, медленно выдохнул.

Это была родина Хо Яня. Он редко бывал здесь, не устанавливал суровых законов, но одним своим примером влиял на армию и на весь город. Этот город, как и сам Хо Янь, был прост и мудр, казался ничем не примечательным, смиренным, но при этом — несокрушим. Кто посмеет его тронуть — пусть попробует!

Подошёл У Фэн: «Молодой господин, всё выяснил.»

Гу Тин: «Ну?»

У Фэн: «Внешняя торговля зерном полностью прекратилась. У нас запасы богатые, в случае крайней нужды мы сможем поддержать и город, и армию Стража Севера. А больше всего зерна после нас — у Ю Даччуня.»

Выражение лица Гу Тина не изменилось — он, похоже, уже ожидал такого: «Следи внимательно. Возможно... представится случай этим воспользоваться.»

У Фэн: ...

«Значит, когда Ю Даччунь так нагло скупал зерно, вы, молодой господин, не вмешивались, чтобы потом в нужный момент прибрать его к рукам?»

Гу Тин улыбнулся: «Это будет зависеть от того, как поведёт себя господин Ю.»

Он задумался: в прошлой жизни он не слышал о кризисе с зерном — может, потому что Хо Янь тогда использовал Ю Даччуня? Ведь его самого здесь не было, а Ю Даччунь — был. Люди не меняются, мышление то же — если в этой жизни Ю Даччунь так поступает, значит, и в прошлой поступал так же. Он, посторонний человек, уже строит планы насчёт Ю Даччуня, а уж Хо Янь тогда и подавно не мог этого не заметить.

«Пока Ю Даччунь на поле боя гонится за славой, кто управляет делами в его резиденции?»

У Фэн знал ответ: «Говорят, его доверенный советник, Дао Аньжань.»

Гу Тин усмехнулся: «„Дао Аньжань“ — лицемерный. Забавное имя. А разве с ними не был ещё один старый евнух, Ли Гуй? Говорили, он назначен инспектором. Он тоже ушёл с Ю Даччунем?»

У Фэн покачал головой: «Нет, не слышал.»

Гу Тин нахмурился, почувствовав неладное. Ли Гуй — инспектор, его обязанность следить за

положением в армии, особенно во время войны. Глупые инспекторы даже могут противостоять главнокомандующему, пытаться перехватить управление и отдавать нелепые приказы. Ю Даччунь уже в армии, а Ли Гуй остался здесь? И передал все полномочия в резиденции этому советнику Дао Аньжаню? Неужели он совсем не жаждет военных заслуг? А если ничего не хочет, просто отбывает номер — зачем тогда в его годы тащиться из дворца в эту суровую северную глушь?

Гу Тин заподозрил, что со старым евнухом что-то нечисто, и решил за ним приглядеть.

«А что в резиденции князя-стража Севера?»

У Фэн рассмеялся: «О, там вам точно не о чем беспокоиться. Они, видать, к войнам привычны — у них полный порядок, куда лучше нашего.»

Гу Тин кивнул. Тем лучше.

У Фэн, покосившись на его лицо, тихо спросил: «Молодой господин, может, сходите туда, проведаете?»

Гу Тин удивился: «Зачем мне туда идти?»

У Фэн: «Ну как же... Вы ведь к князю равнодушны, любите его, а значит, и обо всём, что с ним связано, беспокоитесь. Сейчас князя нет, вам беспокойно, хочется заглянуть — так кто ж осудит? Не стесняйтесь.»

Стесняться? Кто стесняется? Он что ли!

Гу Тин разозлился и принялся лупить слугу: «Кто сказал, что я к нему равнодушен!»

«А разве нет?» — слуга, прикрывая голову, пустился наутек. — «С тех пор как мы в Цзююань приехали, вы только о нём и заботитесь, всё для него делаете. Он — князь, все перед ним трепещут, а вы ни капельки не боитесь, ещё и грубите ему, нападаете, задеваете... Молодой господин, да вы отродясь так себя не вели!»

Гу Тин разъярился ещё пуще и стал бить сильнее: «Это я не грублю! Я с тобой отродясь так себя веду!»

У Фэн взвыл: «Легче, молодой господин, это же лицо! Я ведь ваш человек, при жизни вашим был, и умру вашим — вы со мной попросту откровенны, можете и покапризничать иногда, куда ж я денусь?»

Гу Тин замер.

Так значит... он капризничал перед Хо Янем? Считал его своим, был с ним откровенен, не притворялся, вёл себя без оглядки?

«Беда!»

Дун Чжунчэн, подбирая полы халата, примчался, запыхавшийся, в поту, не дожидаясь, пока слуги доложат о нём, и не глядя, чем заняты Гу Тин с его слугой: «Враги у города!»

Гу Тин мигом вскочил: «Не может быть!»

Воздух на мгновение застыл.

Гу Тин опомнился, прикрыл рот кулаком и слегка кашлянул: «Я хотел сказать — разве князь-страж Севера не на границе? Как армия Северных Ди могла сюда прорваться?»

В этой затянувшейся войне обстановка менялась мгновенно, всё было туманно, и Цзююань действительно мог оказаться в опасности, даже подвергнуться нападению — но не сейчас! Не так рано!

Дун Чжунчэн тоже не понимал: «Может, это и не Ди? Но кто ещё в такую пору станет нападать на Цзююань?»

У Фэн тоже забеспокоился: «Давайте сразу пойдём, по дороге разберёмся!»

Гу Тин накинул плащ, и вместе с Дун Чжунчэном и У Фэном они двинулись к воротам.

Чем ближе к центру, тем напряжённее становилась атмосфера в городе. На улицах всё чаще попадались солдаты в доспехах. У самых ворот стража уже выстроилась в ряд. Медленный снег ложился на их плечи, покрывал холодную сталь лат и клинков, перелетал через высокую стену и падал по ту сторону. А по ту сторону, у городских стен, уже выстроилась вражеская конница, и барабанный бой возвещал о начале атаки.

Враги и вправду были здесь! Но почему? Почему всё произошло раньше срока?

Гу Тин почувствовал, как его охватывает паника. Слишком многое отличалось от того, что он знал из прошлой жизни. Может, тогда он слишком много слушал чужих рассказов, и многое было ложью. А может, его второе рождение, пусть он и не делал ничего значительного, изменило начало, а значит — изменит и конец.

Можно ли вообще полагаться на «уже известный» опыт? Не обернётся ли его уверенность в «знании» самонадеянностью, попыткой подставить слабую тростинку под колесницу? Может, впереди ждёт не успех, а неизбежная, неотвратимая и даже куда большая беда?

Сердце колотилось, ладони взмокли. Гу Тин судорожно сжал край одежды, охваченный страшным сомнением, не зная, что делать дальше.

Мимо быстрым шагом прошли шеренги солдат. Командир средних лет отдавал приказы: построиться, разделить, идти на восток или запад, взять копья или щиты. Битва вот-вот должна была начаться, атмосфера была натянута до предела, серьёзна и сурова. Но никто не боялся. Во всех взглядах читалась твёрдая решимость. Возможно, очень скоро они погибнут на городской стене, но в этот миг они бесстрашны, и в тот миг — тоже не пожалеют. Ради этой земли под ногами они готовы на всё.

Вокруг было не тихо: топот солдатских сапог, скрип тетивы на луках, бой вражеских барабанов за стеной — всё это заставляло сердце сжиматься. Но, странное дело, Гу Тин вдруг успокоился.

Он не знал, кто этот командир средних лет, откуда взялись эти солдаты. Но он знал — они под началом Хо Яня. Вышколены, организованы. Никто не боится, все смотрят в лицо врагу, готовые принять смерть. А он-то чего боится?

В худшем случае будет как в прошлой жизни!

Но раз уж он здесь, он не позволит повториться той страшной участи. Хотя бы одного спасти — уже победа!

Он шлёпнул себя по щекам, и взгляд его стал твёрдым. Он верил в себя. Он верил в Хо Яня. На этот раз они не допустят столько смертей. Они сразятся!

...

В полуразрушенном храме, скрытом в снежной пелене, Мэн Чжэнь услышал барабанный бой. С той стороны... Неужели Цзююаню грозит беда? Он резко вскочил, подбежал к двери и выглянул наружу, но занесло уже слишком далеко, и метель была слишком густой, чтобы что-либо разглядеть.

<http://bllate.org/book/16279/1466141>